

Правовая политика в постклассическом измерении

Честнов И. Л.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ

Аннотация. Автор статьи показывает те вызовы, которые предъявляет правовой политике постклассическая картина мира. Эти вызовы вынуждают пересмотреть классическую теорию управления, которая лежит в основании правовой политики. Автор полагает реалистичным представлением правовой политики дискурсивную практику манипулирования общественным правосознанием.

Ключевые слова: постклассическая картина мира, правовая политика, критический дискурс-анализ.

Постклассическая (или постнеклассическая — по терминологии В. С. Степина) картина мира определяет содержание подавляющего большинства социальных институтов современного постиндустриального, информационного, глобализирующегося «общества риска», в том числе и права. Для нее характерно признание всех социальных явлений и процессов как «сложных саморазвивающихся систем». «Этот тип системных объектов характеризуется развитием, в ходе которого происходит переход от одного вида саморегуляции к другому. Здесь саморегуляция выступает аспектом, устойчивым состоянием развивающейся системы. Смена вида саморегуляции системы представляет собой фазовый переход, который может быть охарактеризован в терминах динамического хаоса. В современной науке он описывается в рамках динамики неравновесных систем и синергетики»¹. Одним из проявлений постклассической картины мира является принцип неопределенности и как следствие — ощущение перманентного риска, неуверенности в настоящем и тем более будущем.

Принцип неопределенности² ограничивает возможности человеческого разума по описанию,

объяснению, предсказанию и преобразованию социального мира. При этом онтологическое, гносеологическое и семантическое измерения социальности взаимодополняют друг друга. Социальная реальность (включая, конечно, и правовой ее момент, аспект), определяемая существующими сегодня социальными представлениями, принципиально вероятностна, нестабильна и сложна,

«тингентность» — им описывается социальное действие, включающее референцию к другому и самореференцию. Со времен Т. Парсонса известно, что «результат достижения цели зависит не только от успешного познания и управления акторами объектами окружающей среды, ... но и от взаимодействия акторов при вмешательстве в ход событий». [Цит. по: там же. С. 152]. Н. Луман переносит проблему «двойной контингентности на более общий теоретический уровень, на котором рассматриваются конституция и непрерывный процесс осуществления смысла. Тогда об Ego и Alter... следует говорить как об открытых возможностях определения смысла, которые даны переживающему их или другому всякий раз как определение горизонта. /.../ Она позволяет выделить особое измерение мира для социально различных смысловых перспектив (социальное измерение) и обеспечивает выделение особых систем действия, а именно социальных систем». [Там же. С. 154, 156]. Другими словами, комплексность правовой реальности — это ее сложностной характер, не позволяющий дать однозначное, «единственно верное» описание, ее неопределенность и неопределимость как «двойная контингентность», предполагающая полное и всестороннее измерение как права, так и актора, рефлексированного по его поводу. Еще одним вариантом принципа неопределенности с некоторыми оговорками можно считать принцип нестабильных онтологий, базирующихся на логике «онтологической негативности». По мнению Э. Лаклау и Ш. Муффа, «нестабильные онтологии» включают следующие несовместимые принципы; 1) радикального антиэссенциализма; 2) радикального плюрализма и 3) контингентности, акцентирующие контингентность, частичность и неразрешимость традиционной логики основания. В результате не только категория бытия не является достаточным основанием, но и субъект является контингентным, частичным, незавершенным, то есть фигурой «онтологической негативности». [Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Toward a Radical Democratic Politics. Second Edition. London, N.Y., 2001. P. IX].

¹ Степин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы: Материалы международной научной конференции «Рациональность и ее границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15–18 сентября 2011 г.) / Отв. ред. А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М., 2012. С. 13.

² Другими обозначением этого принципа вслед за Н. Луманом можно полагать «комплексность» мира как «точки зрения», обозначающей «такое взаимосвязанное множество элементов, в котором вследствие имманентных ограничений их способности к присоединению становится невозможным, чтобы каждый элемент в любое время был связан с любым другим». [Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. С. 52–53]. Второе понятие комплексности — «меры неопределенности или недостатка информации». [Там же. С. 57]. Другим термином в лексиконе Н. Лумана является «двойная кон-

подвержена рискам саморазрушения³. Поэтому управление ею и достижение всеобщего блага — о чем мечтали мыслители эпохи Просвещения — не поддаются разумному расчету⁴. Человеческое познание опосредовано множеством факторов, в том числе социокультурным контекстом, в связи с чем принцип объективности научного познания трансформируется в интересубъективность. Собственно в этом — в признании неустранимости исторического и социокультурного контекста научного познания — и состоит переход науки от классической стадии ее эволюции к неклассической и пост(не)классической, по мнению В. С. Степина⁵. Тем самым классическая рациональность, ориентированная на объективность познания, элиминирующего человека и социокультурные факторы, вытесняется (например, в квантовой неклассической физике) и заменяется на коммуникативную, включая трансформацию основных понятий гносеологии.

Неопределенность порождает признание многогранности, потенциально — неисчерпаемости любого социального явления и процесса как невозможности одного «единственно правильного» его описания и объяснения; релятивности — его относительности к социуму как господствующим социальным представлениям, образующим содержание социальных структур (статусов и связей между ними), и другим социальным феноменам; контекстуальности — как исторической и социокультурной обусловленности и дополнительности — как взаимообусловленности разных аспектов и сторон социального явления или процесса; сконструированности, а не заданности «природой вещей» всех социальных явлений и процессов. Отсюда вытекает сущностная оспоримость подавляющего большинства понятий социогуманитарных наук⁶. Более того, все научные понятия (возможно, кроме чисто конвенциональных, коих в социогуманитарном знании очень мало) метафоричны, по мнению Э. Гуссерля, вырастают из жизненного мира⁷ и несут оценку интерпретатора. Научные понятия, как и значения, существуют только через их использование или интерпретацию, а поэтому являются «сущностно оценочными»⁸. По мнению А. Абрагама, крупного французского (русского происхождения) физика XX в., «... за исключением простейших проблем, точных решений в физике не существует»⁹.

В связи с этим возникает неопределенность в категоризации, классификации и квалификации социальной (и правовой) реальности. Приходится констатировать, что сегодня невозможно

оспариваемость» понятий был выдвинут в 1955 г. У. Гэлли применительно к концептам «справедливость», «свобода», «демократия» и говорит об их многомерности и наполненности ценностным, идеологическим содержанием. Поэтому они не могут быть иерархически расположены друг относительно друга, логически выводимы друг из друга и адекватно определены эмпирически [Gallie W. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1955–1956. Vol. 56]. Э. Гидденс считает, что весь концептуальный аппарат социальных наук в известной степени является сущностно оспариваемым [Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. Berkeley (L.A.), 1979. P. 89–90].

⁶ Термин «принципиальная (или сущностная) оспариваемость» понятий был выдвинут в 1955 г. У. Гэлли применительно к концептам «справедливость», «свобода», «демократия» и говорит об их многомерности и наполненности ценностным, идеологическим содержанием. Поэтому они не могут быть иерархически расположены друг относительно друга, логически выводимы друг из друга и адекватно определены эмпирически [Gallie W. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1955–1956. Vol. 56]. Э. Гидденс считает, что весь концептуальный аппарат социальных наук в известной степени является сущностно оспариваемым [Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. Berkeley (L.A.), 1979. P. 89–90].

⁷ «В последней из опубликованных при жизни основателя феноменологии работе „Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология“ он неоднократно подчеркивал, что любые используемые человеком понятия, включая и самые изощренные научные абстракции, вырастают из жизненного мира. Они коренятся в структурах естественной установки сознания, в пределах которой понимание человеком социального окружения и своего места в мире вообще не проблематизируется, а воспринимаются как само собой разумеющееся» [Смирнова И. М. Коммуникативный смысл интересубъективности: феноменология и когнитивные науки // Интересубъективность в науке и философии / Под ред. Н. М. Смирновой. М., 2014. С. 275].

⁸ «Всякое суждение одновременно и фактуально, и конвенционально» [Putnam H. Realism and Reason. Philosophical Papers. Vol. 3. Cambridge, 1983. P. 179]. Поэтому, например, фактуальное суждение «автомобиль движется со скоростью 90 км/час» может быть оценено с позиции правил дорожного движения, с точки зрения технических характеристик автомобиля и т. д. На этом же, в принципе, настаивает и В. А. Лекторский: «Для логических позитивистов резкое деление суждений на два указанных типа — суждения о фактах и суждения оценивающие — было принципиальным. ... Суждения первого типа могут быть истинными или ложными, к суждениям второго типа это не относится. Сегодня мы прекрасно понимаем, что такое понимание познания не имеет ничего общего с действительностью. Ибо каждое описание фактов, а тем более построение теории предполагают соответствие определенным принципам, „должному“...» [Лекторский В. А. Когнитивная наука как вызов эпистемологии // Эпистемология: новые горизонты. Материалы конференции 24–25 июня 2010 г. Москва, Институт философии РАН. М., 2011. С. 33].

⁹ Абрагам А. Время вспять, или Физик, физик, где ты был. М., 1991. С. 220.

³ «Вряд ли какие бы то ни было попытки свести всю сложность мира к аккуратной и исчерпывающей классификации могут быть успешными» [Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 42]. Современность — это «состояние перманентной и повсеместной неопределенности /.../, это совокупный опыт неуверенности человека в его положении, в правах и доступности средств к существованию, неопределенности относительно преемственности и будущей стабильности, отсутствия безопасности для физического тела человека, личности и их продолжений — имущества, социального окружения, сообщества» [Там же. С. 151, 194].

⁴ «Мировое общество риска ... является эпохой цивилизации, в которой решения, касающиеся жизни не только нынешнего, но и последующих поколений, принимаются на основе сознательного незнания» [Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 153].

⁵ «Становление постнеклассической рациональности требует нового углубления рефлексии над научным познанием. В поле этой рефлексии включается проблематика социокультурной детерминации научной деятельности. Она рассматривается как погруженная в социальный контекст, определяемая доминирующими в культуре ценностями» [Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 205].

дать однозначную оценку, в том числе юридическую, сложного социального явления или процесса. Это связано, во-первых, с невозможностью рассчитать отдаленные последствия любого более или менее сложного социального явления¹⁰, а также его дисфункциональность, имманентно «скрывающуюся» за любой функцией¹¹. Во-вторых, это вытекает из несоизмеримости различных моральных, политических, мировоззренческих точек зрения наблюдателя, производящего оценку социального явления¹². Так, например, квалификация действий, направленных на защиту государственного суверенитета другой стороной, может быть оценена как нарушение права нации на самоопределение, «гуманитарная интервенция» при массовом нарушении прав человека другими признается вторжением во внутренние дела государства, то есть попранием государственного суверенитета и т. п. Неустранимость субъективности позиции наблюдателя, вытекающая из принципа дополненности, не дает возможности описать и объяснить (квалифицировать) такого рода ситуации одним «единственно правильным» способом. З. Бауман прозорливо пишет, что сегодня «становится все менее и менее ясно, что должен предпринять [политический — И.Ч.] институт для улучшения ситуации в мире, — даже если рассмотреть маловероятный случай, когда он способен сделать это. Все картины счастливого общества, нарисованные разными красками и множеством кистей за последние два столетия, оказались либо несбыточной мечтой, либо — если их воплощение в действительности и было объявлено — нежизнеспособными [конструкциями]. На практике оказалось, что любая (новая) форма социальной организации приносит столько же несчастий, сколько и счастья, если не больше»¹³. В этой связи можно согласиться с утверждением Л. Болтански и Л. Тевено, что неопределенность составляет «саму суть человеческого действия»¹⁴.

Принцип неопределенности вынуждает пересмотреть такие постулаты права, как его фор-

мальная определенность, стабильность и беспробельность, входящие в содержание принципа верховенства права. Так, уже в конце XIX в. многим непредвзятым теоретикам-юристам и судьям стало очевидно, что идея полноты, непротиворечивости и беспробельности законодательства «опровергнута самой жизнью»¹⁵, а юридическая наука не должна заниматься исключительно толкованием и комментированием новых кодексов — правовой экзегетикой¹⁶. Важно то, что правовые понятия, как утверждал Г. Харт, характеризуются неопределенностью (*vagueness*) и отменяемостью (*defeasibility*). У правовых понятий, по его мнению, есть не только некоторая неопределенность значения, но иногда, в некоторых случаях их употребления, невозможно даже установить их значение. Правовым понятиям присуще «ядро» (*core*) и «полутьень» (*penumbra*) значения, то есть набор как очевидных, центральных, так и неясных, пограничных, маргинальных случаев употребления. Решение относительно того, применяется ли правило к конкретной ситуации, зачастую ведет к определению области значения общего термина. «Бывают ясные случаи, постоянно возникающие в сходных контекстах, к которым общие выражения четко применяются („Если что-либо является средством передвижения, то автомобиль им является“), но нередко встречаются и ситуации, когда неясно, применимо оно или нет. (Включает ли в себя использованное здесь понятие средство передвижения велосипеда, аэропланы, роликовые коньки?) Последние являются фактическими ситуациями, постоянно провоцируемыми природой или человеческими изобретениями, которые обладают лишь некоторыми из черт, характерных для ясных случаев, остальных же требуемых черт у них нет»¹⁷. Поэтому из одного принципа права можно сделать значительно отличающиеся выводы, конкретизируя его в законодательстве. Так, принцип разделения властей может быть трансформирован в четырех формах правления — в президентской, парламентской, смешанной республиках и конституционной монархии; принцип верховенства права может быть реализован в судебной системе,

¹⁰ Любое, даже самое элементарное, действие, связано с предшествующими действиями этого человека, других людей, с которыми он связан, его (и их) потребностями, ценностями, интересами, мотивами, многочисленными внешними обстоятельствами («вещами») и т. д.

¹¹ См. о непреднамеренных последствиях: Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М., 2007. О латентных функциях и дисфункциях см.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 105–184.

¹² «„Объекты“ не существуют независимо от концептуальных схем. Мы разделяем мир на объекты, вводя ту или иную схему описания» [Putnam H. Reason, Truth and History. Cambridge, 1981. P. 75].

¹³ Бауман З. Указ. соч. С. 141.

¹⁴ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М., 2013. С. 523.

По их мнению, это связано с тем, что «окончательное закрепление квалификаций за людьми, какими бы они ни были, привело бы к разрушению человечества...» [Там же. С. 522].

¹⁵ Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М., 2011. С. 15.

¹⁶ «Анализ политики гражданского права как инструмента влияния на социальную и экономическую жизнь страны вытеснялся на обочину правовой науки. Догматический анализ, разбирающий и систематизирующий уже существующие нормы и сделанные на их основе обобщения, считался единственной формой научной работы» [Там же. С. 20].

¹⁷ Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб., 2007. С. 130.

в которой предусматриваются самостоятельные конституционная или административная юстиция (как, например, в Германии или во Франции), а может включать эти функции в компетенцию судов общей юрисдикции (как в англо-саксонской правовой системе); принцип социального государства может быть реализован в социал-демократической, консервативной или социал-либеральной моделях (и законодательстве) социальной политики государства и т. д. Это же касается и юридических дефиниций, организационных правовых положений (закрепляющих устройство, организацию, например, государственных органов). Декларации и принципы права, юридические дефиниции, организационные положения и подобные юридические конструкции, как, например, принцип справедливости (независимо от того, как его трактовать — как формальное равенство или иначе), законности, добрых нравов и т. д., не являются содержательно универсальными, а обретают его — конкретное содержание — в историческом и социокультурном контексте через практики элиты и широких масс населения и соотнесение с другими социальными и метаюридическими (например, моральными) явлениями и процессами.

Одна из главных проблем современной юриспруденции, по мнению известного цивилиста К. И. Скловского, сводится к тому, что «невыразимость наиболее важных понятий затрудняет строение силлогизма, в основе которого должно лежать, как известно, тождество (нетождество), что технически чаще всего имеет форму спора об ином названии того же, а в условиях изначальной неопределенности основных понятий это обычно не очевидно и приводит к мукам отождествления, когда „жестокый закон тождеств и различий бесконечно издевается над знаками и подобиями“; эти несовпадения в большинстве случаев и составляют истинный источник юридических трудностей. ... Все это позволяет понять, что банальная ситуация юридических разногласий — не плод недоразумений, но форма бытия юриспруденции»¹⁸.

Во многом осознание ограниченности возможностей человеческого разума по описанию, объяснению и конструированию мира вынудило мыслителей и политиков к пересмотру классической теории и практики управления¹⁹, лежащей в основе правовой политики²⁰. Классическая кон-

цепция управления основана на вере в безграничные возможности научного разума по описанию, объяснению, предсказанию и разумному, целесообразному преобразованию окружающей нас реальности. Сегодня эти претензии развенчаны постклассической эпистемологией как завышенные ожидания или «пагубная самонадеянность», по терминологии Ф. А. фон Хайека. Так, например, опровергнуто резкое противопоставление научного разума здравому смыслу, характерное для эпохи Просвещения. Именно в ту эпоху сформировалось представление о науке как «законодательном» разуме (термин З. Баумана), претендующем не только на монопольную истину при описании и объяснении действительности с помощью научных методов, но и, опираясь на научный прогноз, — на предписание должного (истинного) поведения. Такая установка, понятно, ориентирована на критику здравого смысла и непрофессионального знания, которому нельзя «доверять представлять истину»²¹.

Во второй половине XX века складывается и завоевывает все больший авторитет иная эпистемология, ориентированная на «интерпретативный» разум. Если законодательный разум представлен монологом и, как следствие, — отношениями господства — подчинения, то интерпретативный — диалогом, процессом взаимного информирования (коммуникации) и отношениями партнерства. «Смыслом существования законодательного „проекта“, — пишет З. Бауман, — была возможность метода, то есть процедуры, гарантирующей общезначимость результата просто тем, что ей шаг за шагом скрупулезно следовали; и опора на принцип, что результаты, полученные в конце методической процедуры, обладают высшей познавательной общезначимостью, на которую не могут претендовать никакие неметодические усилия»²². Интерпретативный же разум «исходит из момента примирения с сущностью плюралистической природой мира...»²³.

В связи с этим оказались поколеблены претензии классической теории управления и юридической науки (которая в социологической версии основывается на положениях научного менеджмента) стать «инженерией общества». Осознание изменчивости, стохастичности, непредсказуемости социального мира, его многомерности и взаимодополнительности привело к разочарованию в рекомендациях классической теории

¹⁸ Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2008. С. 46.

¹⁹ Другими факторами, побудившими к этому, стали снижение эффективности государственного управления и потеря легитимности государственной власти.

²⁰ Правовую политику, на наш взгляд, в широком смысле можно трактовать как государственное (или социальное) управление в сфере права. Ее содержание включает определение необходимости в законодательном регулировании общественных отношений, формирование соот-

ветствующей формы права (законодательного акта) и ее реализацию в правовом порядке, а также обратную связь — мониторинг правового порядка и уточнение необходимости изменения законодательства.

²¹ Бауман З. Философские связи и влечения постмодернистской социологии // Вопросы социологии. Т. 1. № 2. 1992. С. 10.

²² Там же. С. 12–13.

²³ Там же. С. 14.

управления. В частности, Н. Луман аргументирует это тем, что независимо от рациональной мотивации действий их функциональность внутри определенной социальной системы может оказаться иррациональной. И наоборот, иррациональные действия, например в условиях незнаний или даже аморального поведения, могут выполнять в этой системе рациональные функции²⁴. Как бы высоко ни оценивали люди свою научно-теоретическую осведомленность, писал Л. И. Спиридонов, они до сих пор пользуются по существу одним методом, который получил название «метода проб и ошибок»²⁵. При этом, как остроумно замечали Ю. Д. Блувштейн и А. В. Добрынин, «число ошибок очень близко к числу проб, что свидетельствует о крайней ненадежности этого метода»²⁶. О том, насколько может быть пагубной самонадеянность научного управления обществом, блестяще писал Ф. А. фон Хайек²⁷.

В связи с этим проблематизируется возможность рассчитать эффективность (трактуемую традиционно как результативность) какого-либо законодательного нововведения. Дело в том, что конечный результат в силу принципиальной амбивалентности любого социального явления не может быть однозначно эксплицирован, о чем упоминалось выше в связи с принципом неопределенности. Так, например, рост народонаселения в ситуации его снижения в нашей стране — очевидное, казалось бы, благо. Однако прямая корреляция между ростом населения и ростом преступности, ухудшением экологии уже указывает на неоднозначность этого блага. С другой стороны, на конечный результат, который формулирует политика (в том числе, законодатель), влияют в той или иной степени все социальные (и не только социальные, но и природные) факторы. Поэтому однозначно просчитать, в какой степени на изменение преступности, например, влияет принятие нового уголовного кодекса, а не изменения в экономической, социальной, политической или демографической ситуации, невозможно. Можно лишь гипотетически, методом экстраполяции, предположить динамику преступности, причем только на небольшом промежутке времени и при стабильности всех социальных (и, по большому счету, природных также)

факторов. «В уголовно-правовой науке, и не только российской, — с прискорбием констатирует А. Э. Жалинский, — не решен ее основной вопрос: какова действительно роль уголовного закона, и в особенности каково действительно воздействие уголовного права на поведение людей. В научной литературе по умолчанию предполагается, что запреты и наказания вводят поведение людей в определенные уголовным законом рамки. Но никем и нигде не доказана связь и уж тем более не показана теснота связи динамики преступности с изменениями уголовного законодательства»²⁸. «В эпоху побочных последствий, — пишет У. Бек, — не может быть триумфального обоснования того или иного, есть только мучительный путь критики, максимально возможной критики собственного утверждения»²⁹.

Изменения, происходящие в системе государственного управления в западных странах, были вызваны скорее эмпирическими, а не концептуальными проблемами — прежде всего, неудовлетворенностью существующей системой управления. Так, Администрация США в 1993 г. самокритично признала, что никогда еще вера в федеральное правительство не была столь шаткой. Средний американец считает, что впустую тратится 48 центов каждого доллара, уплаченного в налогах. Пять из шести считают необходимым «фундаментальные перемены» в Вашингтоне. Только 20% американцев доверяют федеральному правительству в большинстве случаев — по сравнению с 76% 30 лет назад. Главной проблемой при том является не дефицит и рост национального долга, а огромные пустые траты (так, Министерству обороны принадлежат ненужные источники стоимостью 40 миллиардов долларов)³⁰. В общем и целом в большинстве развитых стран ощущается снижение доверия населения к государственной власти, критическое отношение к затратному характеру государственного управления. В связи с этим произошли важные изменения в системе государственного управления, которые могут быть квалифицированы как отказ от жесткого администрирования в пользу гибкого менеджмента. При этом авторы реформ исходят из того, что между публичным и частным секторами общества нет принципиальной разницы и поэтому методы управления крупными фирмами могут быть использованы в сфере государственного управления. Среди таких методов выделяются:

²⁴ Luhmann N. Zweckbegriff und Systemrationalitaet. Frankfurt am Main, 1973. S. 14.

²⁵ Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 84.

²⁶ Блувштейн Ю. Д., Добрынин А. В. Основания криминологии. Опыт логико-философского исследования. Минск, 1990. С. 28. В связи с этим известные криминологи заявляют, что до сих пор наилучшим методом краткосрочного прогноза в криминологии является экстраполяция [Там же. С. 33].

²⁷ См.: Хайек Ф. А. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М., 2003; он же. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.

²⁸ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 106.

²⁹ Бек У. Указ. соч. С. 368.

³⁰ Кэттл Д. Ф. Реорганизация государственного управления. Анализ деятельности федерального правительства // Классики теории государственного управления: Американская школа / Под ред. Д. Шафрица, А. Хайда. М., 2003. С. 723.

децентрализация (делегирование полномочий и ответственности на нижний уровень управления, непосредственно связанный с управлением); деконцентрация (создание множества независимых агентств и снижение иерархичности системы управления); изменение критериев оценки эффективности управления (за результат, определяемый удовлетворением потребителей управленческих услуг — населения); разбюрокрачивание системы управления в сторону формирования полуавтономных агентств; конкурентность системы управления (отказ от долговременных контрактов в пользу кратковременных). В работе «Пересмотр государственного управления» Д. Осборн (советник бывшего вице-президента США А. Гора) и Т. Гэблер выдвигают 10 принципов обновленной системы государственного управления: 1) расширять конкуренцию между поставщиками управленческих услуг; 2) расширять права граждан в деле контроля за деятельностью правительственных учреждений; 3) оценивать работу государственных учреждений не по затратам, а по результату их деятельности; 4) руководствоваться целями, а не законами и правилами; 5) сделать клиентов свободными потребителями, предоставляя им выбор поставщика услуг; 6) предупреждать возникновение проблем; 7) зарабатывать больше, чем тратить; 8) децентрализовать управление; 9) отдавать предпочтение рыночным механизмам перед бюрократическими; 10) сосредоточиться не на оказании услуг, а на стимулировании решения возникающих в обществе проблем³¹.

Однако ожидания от перенесения принципов менеджмента в государственное управление не принесли желаемого и быстрого результата. Как отмечает Л. В. Сморгун, недостатки «нового государственного менеджмента» состоят в следующем. «Во-первых, принцип „клиент всегда прав“ не является очевидным при решении вопросов, касающихся публичной сферы и публичных услуг. Здесь все же важны коллективные обсуждения и принятие обоснованных решений на основе не рыночных критериев, а гражданских добродетелей. Во-вторых, принцип экономической эффективности может вступать в противоречие с другими принципами, более значимыми для публичной жизни, например, принципом справедливости. Хотя в теории общественного выбора есть доказательство возможности сочетания эффективности и справедливости, оно ограничено предпосылками рациональности и индивидуализма, что близко к клиентскому подходу. Доказано, что публичные блага обладают качествами неисключаемости и неконкурентности. Клиентский подход к их потреблению вызывает

ряд проблем чисто экономического характера („проблема безбилетника“, например). Оценка ценности публичного блага клиентом для самого себя порождает эффективность только при отсутствии конфликтов, а при их наличии требует эффективных институтов, основанных на взаимных выгодах. А здесь уже требуется не клиентский, а гражданский подход. В-третьих, в новом государственном менеджменте подрывалась сама публичная ценность публичных услуг»³². Кроме того, государственный менеджмент отнюдь не всегда демонстрирует свою большую эффективность по сравнению с государственной бюрократией³³. Как реакция на эти проблемы возникает новый подход к содержанию государственного управления — сетевой, при котором главной функцией государств становится координация субъектов политической системы по формированию и реализации политического курса³⁴. Следует заметить, что близкую точку зрения выдвинул в 60-е гг. XX в. Ю. Хабермас в концепции публичной общественности, а затем уточнил в 80-е гг. в коммуникативной теории политики. В определенном смысле делиберативная теория демократии возвращает ответственность населения за принимаемые решения, предоставляя возможность с помощью процедур электронного правления участвовать в обсуждении любых политических вопросов.

В то же время во второй половине XX в. происходят изменения методов государственного властвования: прямое насилие заменяется «мягким» информационно-идеологическим, знаково-символическим влиянием³⁵, когда власть действует

³² Сморгун Л. В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб., 2012. С. 80–81.

³³ «В Великобритании, где волна либерализации поднялась гораздо раньше, чем где-либо, и потому порожденные ею проблемы выявляются особенно четко, легкомысленные речи о „более высокой степени рациональности“ приватизированных предприятий могут быть встречены разве что горькой усмешкой. Тот, кто вынужден регулярно пользоваться услугами железнодорожной компании „Бритиш рейлуэй“, должен продираться сквозь не проходящую для иностранцев чаще расписаний: отдельные железнодорожные дистанции обслуживают различные частные компании, и проблема их координации до сих пор не решена. Но этого мало: пассажирам приходится мириться также с хроническими опозданиями поездов, а отмены стали явлением вполне обыденным. / ... / Вообще говоря, приватизация обладает решающим недостатком: общественное расточительство и бесхозяйственность она не заменяет приватно-экономической эффективностью, как внушает нам легенда, а заменяет общественную монополию — частной» [Бек У. Указ. соч. С. 250, 251].

³⁴ Там же. С. 65–85.

³⁵ С помощью «мягкой силы» западные государства, прежде всего США, обеспечивают «мягкую гегемонию» на международной арене, создавая привлекательный образ западных ценностей общества изобилия (или потребления). См. подробнее: Русакова О. Ф. Концепты, категории и понятия политической коммуникативистики // Политическая коммуникативистика: теория, методо-

³¹ Osborn D., Gaebler T. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit Is Transforming the Public Sector. Reading (Mass.), 1992.

с помощью «символического насилия». При этом меняются характер и содержание идеологии: «„идеология“ вытесняется „имиджелогией“ и, что немаловажно, меняется не только круг субъектов, вовлеченных в процесс производства символических форм, но и характер „потребления“ последних»³⁶. «Процесс коммерциализации политики в совокупности с динамичным развитием информационных технологий способствовал превращению идеологической работы в своеобразную сферу бизнеса, что, в свою очередь, привело к доминированию политтехнологов, так как политические технологии, обладающие высоким манипулятивным потенциалом, заняли ведущее место в иерархии факторов электорального успеха. Одним из важнейших последствий этой тенденции стало разрушение „традиционных“ идеологий и возникновение идеологий нового типа, которые можно определить как манипулятивные»³⁷.

Используя новые коммуникативные технологии, власть проникает во все сферы жизнедеятельности человека. Достаточно кардинально меняется и представление о власти: власть — это не инструмент, принадлежащий кому-то, кто его использует по своей воле, а всепроникающий аспект общественной жизни³⁸. Власть, утверждал М. Фуко, «пронизывает и производит вещи, вызывает удовольствие, формирует знание, производит дискурс»³⁹. Одновременно (или «параллельно») власть производит субъектов, формируя их характер и «нормализуя их», делая их способными и склонными придерживаться норм здравого смысла, здоровья, сексуального поведения и других нормативов благопристойности⁴⁰. При этом власть, как и все социальные явления и процессы, принципиально амбивалентна: она как минимум может быть в определенном контексте принудительной, а может быть и «продуктивной»⁴¹.

«Действительно, преобразования в социально-политической сфере, — полагает М. Н. Грачев, — происходящие под воздействием новых коммуникационных технологий, носят весьма

противоречивый характер. С одной стороны, они способствуют расширению „видимости“, открытости осуществления власти, с другой — создают потенциальную возможность достаточно узкого круга лиц, ставящих перед собой задачу направленного воздействия на массовое сознание или, если угодно, манипулирования им в политических целях. В последнем случае „видимость“ власти может трансформироваться в „видимость демократии“»⁴².

Сторонники *делиберативной, дискурсивной теории* К.-О. Апеля, Ю. Хабермаса и их многочисленные последователи предлагают свой вариант выхода из кризиса классической теории управления, который можно применить к разработке современной концепции правовой политики. Они исходят из дискурсивной рациональности, основанной на «идеальной речевой ситуации» как практике «идеального коммуникативного сообщества», развиваемой К.-О. Апелем и Ю. Хабермасом, способствующей достижению компромисса в ходе обсуждения любой социальной проблемы. Условием, обеспечивающим признание нормы, претендующей на значимость, по мнению Ю. Хабермаса, является принцип универсализации — «идеальная языковая ситуация» обеспечивает одобрение нормы со стороны всех затрагиваемых ее лиц. К условиям процесса коммуникации он причисляет иммунитет против подавления и неравенства, симметричность коммуникации, руководство одним мотивом — мотивом совместного поиска истины и наконец допущение идеального «неограниченного коммуникативного сообщества». При этом Ю. Хабермас приводит правила дискурса, сформулированные известным немецким теоретиком права Р. Алекси: 1) ни один говорящий не должен противоречить себе; 2) каждый говорящий, применяющий предикат F к предмету a, должен быть готов применить предикат F к любому другому предмету, который во всех релевантных отношениях равен a; 3) разные говорящие не должны использовать одно и то же выражение, придавая ему различные значения; 4) каждый говорящий может говорить только то, во что он сам верит; 5) тот, кто прибегает к высказыванию или норме, не относящимся к предмету дискуссии, должен привести основание для этого; 6) каждый владеющий языком и дееспособный субъект может принять участие в дискурсе; 7) каждый может ставить под вопрос любое утверждение; 8) каждый может вводить в дискурс любое утверждение; 9) каждый может выражать свои установки, желания и потребности; 10) никакое принуждение, господствующее вне или внутри дискурса, не должно мешать ни

логия и практика / Под ред. Л. Н. Тимофеевой. М., 2012. С. 92–102.

³⁶ Малинова О. Ю. Введение // Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под. ред. О. Ю. Малиновой. М., 2011. С. 13.

³⁷ Аль-Дайни М. А. Политические идеологии в контексте трансформации: особенности производства партийных идеологий в современной России // Там же. С. 34.

³⁸ Garland D. Punishment and Modern Society: A Study in Social Theory. Oxford, 1990. P. 138.

³⁹ Foucault M. Power and Strategies // Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. Brighton, 1980. P. 119.

⁴⁰ О конструировании «субъектов» в смысле как «свободного субъекта», так и подчиненного или подвластного, см.: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 159–160.

⁴¹ Там же. С. 268–269.

⁴² Грачев М. Н. «Электронная демократия» или «конец демократии»? // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012 / Гл. ред. А. И. Соловьев. М., 2012. С. 206.

кому из говорящих реализовать свои права, определенные в пунктах 6 и 7⁴³.

Близкую, основанную на идеях Ю. Хабермаса — социально-культурологическую — концепцию коммуникативной методологии права предлагает бельгийский правовед М. ван Хук. «Право, — пишет М. ван Хук, — устанавливает рамки для человеческого взаимодействия и коммуникации. Более того, оно создано и развивается через коммуникацию, будь это длительная традиция создания обычного права, парламентские дебаты при подготовке законопроекта, судебные решения в виде последовательных или меняющихся прецедентов или ученые дебаты, которые лягут в основу будущих судебных или статутных законодательств. В наших плюралистических обществах такая широкая коммуникация, в которой могут принимать участие не только юристы, но также политики, средства массовой информации и большая часть населения, особенно когда обсуждаются важные моральные или политические идеи, есть главное условие для легитимации законов. Достижение консенсуса относительно ценностей через перманентную открытую и свободную коммуникацию становится все более значимой альтернативой „абсолютным истинам“, провозглашенным ранее господствовавшими идеологиями или религиями»⁴⁴. Право, по мнению бельгийского ученого, «всегда существенно основано на коммуникации: коммуникации между законодателем и гражданами, между законодателем и судебным корпусом, коммуникации между сторонами по договору, коммуникации в судебном процессе. В своей наиболее выпуклой форме этот коммуникативный аспект рассматривается сегодня в рамках легитимации права: рациональный диалог между юристами как основная гарантия для „корректной“ интерпретации и применения права»⁴⁵.

При всем авторитете данной программы и ее обоснованности нельзя не заметить, что в ней не принимаются во внимание контекст коммуникативной ситуации, роль власти и идеологии в манипуляции реальным (а не идеальным) коммуникативным сообществом при выработке, столкновении и борьбе аргументов. Этот недостаток пытаются преодолеть постмарксистские политические концепции и, прежде всего, теория критического дискурс-анализа.

Дискурс-анализ в его постклассической версии критического дискурс-анализа направлен на выявление механизмов власти и гегемонии в социальных практиках с помощью

анализа текстов и использования языка⁴⁶. Критический дискурс-анализ, по мнению Т. ван Дейка, — это научное направление, стремительно развивающееся в лингвистике и социальных науках после выхода в 1979 году книги «Язык и контроль». «Схожие направления существуют и в других дисциплинах, например, в психологии, социологии и антропологии, которые традиционно ориентированы на изучение способов воспроизводства власти и злоупотребления властью в обществе. Дискурс-аналитики в области гуманитарных и социальных наук изучают, в частности, место и роль дискурса в этих процессах. Они выявили, что многие формы социального неравенства, основанного, например, на гендерных, классовых и расовых различиях, конструируются, закрепляются и легитимируются с помощью устных и письменных текстов, и в особенности с помощью различных видов публичного дискурса, контролируемого символическими элитами — политиками, журналистами, учеными, писателями и чиновниками»⁴⁷. «За последние 30 лет, — пишет лидер этого направления Т. ван Дейк, — представители критических дискурсивных исследований сформулировали множество различных исследовательских задач, но в целом все соглашались с тем, что основной целью КДИ является изучение способов воспроизводства злоупотребления властью с помощью дискурса»⁴⁸. Критический дискурс-анализ как методологическая программа⁴⁹,

⁴⁶ Р. Вудак выделяет следующие принципы критического дискурс-анализа: 1) Критический дискурс-анализ рассматривает лингвистический характер социальных и культурных процессов и структур. 2) Он исследует власть в дискурсе и власть над дискурсом. 3) Общество и культура диалектически связаны с дискурсом — они формируются дискурсом и в то же время конституируют дискурс. Каждый отдельный пример применения языка воспроизводит или трансформирует общество и культуру, включая отношения власти. 4) Использование языка может быть идеологическим. Чтобы определить это, необходимо проанализировать тексты и исследовать их интерпретацию, восприятие и социальное влияние. 5) Дискурсы носят исторический характер, их можно рассматривать только в контексте. 6) Связь между текстом и обществом не прямая, а опосредована социо-когнитивно. 7) Критический дискурс-анализ подразумевает систематическую методологию и связь между текстом и его социальными условиями, идеологиями и отношениями власти. Интерпретации всегда динамичны и открыты для новых контекстов и новой информации. 8) Дискурс — это форма социального поведения [Woodak R. Disorders of Discourse. London, 1996. P. 17–20].

⁴⁷ Дейк Т. А. ван Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. С. 13.

⁴⁸ Там же. С. 13, 18, 47–50, 88–96, 111–120 и след.

⁴⁹ По мнению Т. А. ван Дейка, «не существует „одного“ дискурс-анализа как некоего метода, так же как и не существует „одного“ социального или когнитивного анализа. Как ДИ, так и КДИ располагают большим количеством разных методов изучения в зависимости от целей исследования, природы изучаемого объекта, интересов и ква-

⁴³ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 137–140.

⁴⁴ Хук М. ван. Право как коммуникация // Российский ежегодник теории права. 2009. № 1. С. 376.

⁴⁵ Там же. С. 384.

представленная, например, Н. Фэркло, предполагает, во-первых, анализ дискурсивной практики, т. е. связи текста (в нашем случае — текста права) и социальной практики. Предполагается выявление того, как именно социальная практика производит и интерпретирует текст. В этом, например, преуспели сторонники школы критических правовых исследований США, показав кто фактически является законодателем — господствующие в данном обществе социальные группы или классы. Во-вторых, необходимо провести интердискурсивный анализ исследуемого текста, его включенность в систему текстов, жанров и практик. В-третьих, критический дискурс-анализ направлен на измерение дискурсивного события — социальной практики. Основной интерес — отношения власти и идеологии⁵⁰. Таким образом, власть в лице господствующих социальных групп формирует социальные представления, в том числе и правовые нормы и институты.

При этом следует иметь в виду, что социально значимый субъект формулирует правило поведения (в том числе юридически значимое) отнюдь не произвольно, т. е. конструирование социального (и правового) мира не является абсолютно ничем не обусловленным креативным актом⁵¹. Он (его волюнтаризм) ограничен как ресурсом наличных средств, так и здравым смыслом, и оценкой легитимирующего потенциала. «Кажущаяся бесконечность возможностей творческого потенциала в дискурсивной практике, — справедливо отмечает Н. Фэркло, — фактически оказывается весьма ограниченной и скованной из-за существующих отношений гегемонии и борьбы за гегемонию»⁵². Эта «борьба за гегемо-

лификации исследователя и других параметров исследовательского контекста» [Там же. С. 19–20].

⁵⁰ Fairclough N. *Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language*. London, 1995.

⁵¹ На этом совершенно недвусмысленно настаивает Я. И. Гилинский: «Сказанное не означает, что социальное конструирование вообще, преступности в частности, совершенно произвольно. Общество „конструирует“ свои элементы на основе некоторых онтологических, бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют определенный вред, наносят ущерб, а потому негативно воспринимаются и оцениваются другими людьми, обществом. Но реально и другое: некоторые виды криминализированных деяний не причиняют вреда другим, а потому криминализованы без достаточных онтологических оснований. Это, в частности, так называемые „преступления без жертв“, к числу которых автор этого термина Э. Шур относит потребление наркотиков, добровольный гомосексуализм, занятие проституцией, производство врачом аборта» [Гилинский Я. И. Конструирование девиантности: проблематизация проблемы (вместо предисловия) // Конструирование девиантности / Монография. Составитель Я. И. Гилинский. СПб., 2011. С. 10–11].

⁵² Fairclough N. *Critical discourse analysis and the*

нию» вводит такие ограничения на инновацию, как историческое прошлое, господствующая культура, состояние сфер общества, международное окружение. Внешние факторы интериорируются правовой культурой в правосознание социума и подвергаются селективному отбору со стороны правящей элиты и референтной группы, после чего новый образец социально значимого поведения легитимируется и означает (приобретает значение) как правовое поведение. Этому в немалой степени, конечно, способствует придание образцу поведения юридически-знаковой формы, т. е. облечение в соответствующую форму права. Однако реальность права возникает не в момент его официального провозглашения, а только после того, когда новое правило поведения трансформируется в правопорядок.

Таким образом, правовая инновация как важнейшая составляющая правовой политики — это результат борьбы социальных групп за право официальной номинации, категоризации и квалификации социальных явлений как юридически значимых, правомерных/противоправных. Применительно к проблеме общественной безопасности достаточно подробный анализ такого процесса как результата борьбы за право навязывать свое представление (установить символическую гегемонию) осуществлен сторонниками Копенгагенской школы международных отношений. Они — исследователи Копенгагенского университета — в 90-е гг. XX в. обратили внимание на то, что с точки зрения современной политической науки невозможно указать, какая из угроз более реальна и значима, и необходимо акцентировать внимание на характере политических дискуссий по проблемам общественной безопасности, т. е. почему именно она (эта угроза) оценивается таким образом⁵³. В связи с этим заявляется, что невозможно дать универсальное определение безопасности или перечень всех чрезвычайных ситуаций. Важнее исследовать, как и почему некоторые ситуации квалифицируются как чрезвычайные, угрожающие общественной безопасности и как изменяется их интерпретация со временем. Так, истерия в массовом общественном сознании, во многом инициированная СМИ по поводу событий 11 сентября 2001 г., привела к внедрению новых запретов и контролируемых инстанций, но не обеспечила предотвращение новых терактов. Американский исследователь Д. Кэмпбелл еще в 1992 г. писал, что опасность не есть объективное состояние. В мире существует множество опасностей: инфекционные болезни, несчастные случаи, политическое насилие, имеющие чрезвычайные последствия. Но не все они

mercization of public discourse: the universities // *Discourse and Society*. 1993. № 4(2). P. 137.

⁵³ Buzan B., Woewer O., Wilde J. *Security: a New Framework for Analysis*. Boulder, London, 1998.

интерпретируются как реальные угрозы. Все современное общество пронизано угрозами и опасностью. События или факторы, которые получают такую оценку, интерпретируются с помощью измерения опасности. Достоверность этого процесса зависит от субъективного восприятия остроты этих «объективных» факторов⁵⁴. Выявление тех из них, которые квалифицируются экспертами и населением как реальные угрозы, и возможных способов реагирования на них и их предотвращения — важнейшая задача современной науки⁵⁵.

Таким образом, **правовая политика в постклассическом измерении** — это, прежде всего, процесс и результат дискурсивной борьбы социальных групп за право официальной номинации, классификации, категоризации и квалификации некоторых социальных явлений как наиболее значимых. Далее — это придание им (так номинируемым социальным явлениям) юридического статуса — закрепление в юридических формах. Затем — их воспроизводство как правоприменителями, так и широкими слоями общества. Очевидно, что правовая политика должна учитывать отношение населения к правовым инновациям, которое (отношение) по большому счету конструируется дискурсивными практиками власти, и тем самым обеспечивается убеждение народных масс в их (инновациях) легитимности.

Список литературы

1. Абрагам А. Время вспять, или Физик, физик, где ты был. М.: Наука, 1991. 391 с.
2. Аль-Дайни М. А. Политические идеологии в контексте трансформации: особенности производства партийных идеологий в современной России // Идеино-символическое пространство постсоветской России:

⁵⁴ Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics Identity. 2nd ed. Minneapolis, 1998. P. 1–2.

⁵⁵ А. В. Добрынин по этому поводу пишет, что одной из форм манипулирования общественным сознанием (правосознанием) являются «постоянно возникающие в обществах состояния моральной паники. В результате подобных манипуляций современное общество оказывается дезориентировано перед лицом реальных социальных угроз и деморализовано неадекватной реакцией на явления, представляющие скорее виртуальную, нежели действительную опасность. Классическим примером такой дезориентации и деморализации можно считать ситуацию с восприятием преступного поведения в сегодняшней Литве. В публичных дискуссиях практически игнорируется тот факт, что по уровню убийств страна уже не первый год занимает первое место в Евросоюзе. Однако вместе с тем в последние полтора года не без „помощи“ местных средств массовой информации практически все общество втянуто в бурное обсуждение вопросов педофилии, приоритетность которой в контексте нынешней криминогенной ситуации более чем сомнительна» [Добрынин А. В. Теоретические предпосылки конструирования девиантности // Конструирование девиантности / Монография. Составитель Я. И. Гилинский. СПб., 2011. С. 30].

- динамика, институциональная среда, акторы / Под ред. О. Ю. Малиновой. М.: РОССПЭН, 2011. С. 33–47.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
 4. Бауман З. Философские связи и влечения постмодернистской социологии // Вопросы социологии. Т. 1. № 2. 1992. С. 5–22.
 5. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 464 с.
 6. Блувштейн Ю. Д., Добрынин А. В. Основания криминологии. Опыт логико-философского исследования. Минск: изд-во университетское, 1990. 208 с.
 7. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: НЛО, 2013. 576 с.
 8. Дейк Т. А. ван Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с.
 9. Гилинский Я. И. Конструирование девиантности: проблематизация проблемы (вместо предисловия) // Конструирование девиантности / Монография. Составитель Я. И. Гилинский. СПб.: ДЕАН, 2011. С. 4–17.
 10. Грачев М. Н. «Электронная демократия» или «конец демократии»? // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012 / Гл. ред. А. И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2012. С. 200–210.
 11. Добрынин А. В. Теоретические предпосылки конструирования девиантности // Конструирование девиантности / Монография. Составитель Я. И. Гилинский. СПб.: ДЕАН, 2011. С. 17–35.
 12. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 400 с.
 13. Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М.: Статут, 2011. 308 с.
 14. Кэттл Д. Ф. Реорганизация государственного управления. Анализ деятельности федерального правительства // Классики теории государственного управления: Американская школа / Под ред. Д. Шафрица, А. Хайда. М.: МГУ, 2003. С. 723–744.
 15. Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М., ИРИСЭН, 2007. 338 с.
 16. Лекторский В. А. Когнитивная наука как вызов эпистемологии // Эпистемология: новые горизонты. Материалы конференции 24–25 июня 2010 г. Москва, Институт философии РАН. М.: Канон+, 2011. С. 5–35.
 17. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 643 с.
 18. Малинова О. Ю. Введение // Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под ред. О. Ю. Малиновой. М.: РОССПЭН, 2011. С. 5–21.
 19. Мергтон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 880 с.
 20. Русакова О. Ф. Концепты, категории и понятия политической коммуникативистики // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. М.: РАПН, РОССПЭН, 2012. С. 187–205.
 21. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Статут, 2008. 922 с.
 22. Смирнова Н. М. Коммуникативный смысл intersubjectивности: феноменология и когнитивные науки // Intersubjectивность в науке и философии

- / Под редакцией Н. М. Смирновой. М.: Канон+, 2014. С. 273–303.
23. Сморгун Л. В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб.: СПбГУ, 2012. 362 с.
 24. Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М.: Юридическая литература, 1986. 240 с.
 25. Степин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы: Материалы международной научной конференции «Рациональность и ее границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15–18 сентября 2011 г.) / Отв. ред. А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2012. С. 7–21.
 26. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
 27. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
 28. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
 29. Хайек Ф. А. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003. 288 с.
 30. Хайек Ф. А. фон. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992. 304 с.
 31. Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб.: СПбГУ, 2007. 302 с.
 32. Хук М. ван. Право как коммуникация // Российский ежегодник теории права. 2009. № 1. С. 376–433.
 33. Buzan B., Woewer O., Wilde J. Security: a New Framework for Analysis. Boulder, London: Lynnie Rienner, 1998. 303 p.
 34. Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics Identity. 2nd ed. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. 289 p.
 35. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language. London, Longman, 1995. 265 p.
 36. Fairclough N. Critical discourse analysis and the mercerization of public discourse: the universities // Discours and Society. 1993. № 4(2). P. 133–168.
 37. Foucault M. Power and Strategies // Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. Brighton: Pantheon Books, 1980. P. 71–75.
 38. Gallie W. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1955–1956. Vol. 56. P. 67–198.
 39. Garland D. Punishment and Modern Society: A Study in Social Theory. Oxford, University of Chicago Press and Oxford University Press, 1990. 312 p.
 40. Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. Berkeley (L.A.), University of California Press, 1979. 111 p.
 41. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Toward a Radical Democratic Politics. Second Edition. London, N. Y., Verso, 2001. 240 p.
 42. Luhmann N. Zweckbegriff und Systemrationalitaet. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1973. 390 s.
 43. Osborn D., Gaebler T. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit Is Transforming the Public Sector. Reading (Mass.), Addison-Wesley, 1992. 378 p.
 44. Putnam H. Realism and Reason. Philosophical Papers. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 303 p.
 45. Putnam H. Reason, Truth and History. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 218 p.
 46. Woodak R. Disorders of Discourse. London: Sage, 1996. 200 p.

Legal policy in the post-classical measurement

Chestnov I. L.,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Law Institute of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation

***Annotation.** The author shows the challenges that imposes for legal policy post-classical picture of the world. This challenge forced to reconsider the classical management theory, which lies at the basis of legal policy. The author believes a realistic view of legal policy of the discursive practice of manipulation of public consciousness.*

***Keywords:** post-classical picture of the world, legal policy, critical discourse analysis.*

References

1. Abraham A. Clock, or Physics, where you have been. М.: Nauka, 1991. 391 p.
2. Al-Dine, M. A. Political ideology in the context of the transformation: the features of the production of party ideology in modern Russia // The ideological and symbolic space of post-Soviet Russia: dynamics, institutional environment, actors / under ed. O. Crimson. М.: ROSSPEN, 2011. Pp. 33–47.
3. Bauman Z. Individualized Society. М.: Logos, 2002. 390 p.
4. Bauman Z. Philosophical communication and drive postmodern sociology // Questions of sociology. T. 1. № 2. 1992. Pp. 5–22.
5. Beck U. Power and its opponents in the era of globalization. The new world-political economy. М.: Progress-Tradition, 2007. 464 p.
6. Bluvshitejn Y. D., Dobrynin A. V. Foundations of Criminology. Experience the logical and philosophical studies. Minsk: publishing house university, 1990. 208 p.
7. Boltanski L., Thevenot L. Criticism and justification of justice: Essays in sociology degrees. М.: UFOs, 2013. 576 p.
8. Dijk T. A. van Discourse and Power: Representation of dominance in language and communication. М.: LIBROKOM, 2013. 344 p.
9. Gilinskiy Y. I. Construction deviance: problematization problems (instead of the foreword) // Construction of deviance / Monograph. Compiled by Y. I. Gilinskiy. St. Petersburg: DEAN, 2011. Pp. 4–17.

10. Grachev M. N. "E-democracy" or "the end of democracy"? // *Power and Politics: Institutional Challenges of the XXI century. Political Science Yearbook 2012 / Ch. ed. A. I. Soloviev. M.: ROSSPEN, 2012. Pp. 200–210.*
11. Dobrynin A. V. Theoretical background design deviance // *Construction / Monograph. Compiled by Y. I. Gilinskiy. SPb: DEAN, 2011. Pp. 17–35.*
12. Zhalinsky A. E. *Criminal Law in anticipation of change: theoretical and instrumental analysis. 2nd ed., rev. and add. M.: Prospekt, 2009. 400 p.*
13. Karapetov A. G. *Struggle for recognition of judicial law-making in the European and American law. M.: Statute, 2011. 308 p.*
14. Kettl D. F. *Government reorganization. Analysis of the activities of the federal government // Classics public administration theory: The American School / Ed. D. Shafrits, A. Hyde. M.: MGU, 2003. P. 723–744.*
15. Lal D. *Unintended Consequences. Impact factor endowments, culture and politics in the long-term economic results. M.: IRISEN, 2007. 338 p.*
17. Lektorsky V. A. *Cognitive Science as a challenge epistemology // Epistemology: New Horizons. Conference materials 24–25 June 2010, Moscow, Institute of Philosophy. M.: Canon +, 2011. Pp. 5–35.*
18. Luhmann N. *Social Systems. Outline of the general theory. SPb: Nauka, 2007. 643 p.*
19. Malinova O. *Introduction // Ideological and symbolic space of post-Soviet Russia: dynamics, institutional environment, actors / under ed. O. Crimson. M.: ROSSPEN, 2011. Pp. 5–21.*
20. Merton R. *Social Theory and Social Structure. M.: AST, 2006. 880 p.*
21. Rusakova O. *Concepts, categories and concepts of political kommunikativistika // Political communication study: theory, methodology and practice / edited by L. N. Timofeeva. M.: RPMA, ROSSPEN, 2012. Pp. 187–205.*
22. Sklovsky K. I. *Property in civil law. 4th ed., ext. and rev. M.: Statute, 2008. 922 p.*
23. Smirnova N. M. *Communicative meaning of intersubjectivity: fenomenology and cognitive science // Intersubjectivity in science and philosophy / Edited by N. M. Smirnova. M.: Canon +, 2014. Pp. 273–303.*
24. Smorgunov L. V. *Looking handling: the concept and the transformation of public administration in the XXI century. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2012. 362 p.*
25. Spiridonov L. I. *Sociology of criminal law. M.: Legal literature, 1986. 240 p.*
26. Stepin V. S. *Scientific rationality in technogenic culture: types and historical evolution // Rationality and its borders: Proceedings of the International Scientific Conference "Rationality and its borders" at the meeting of the International Institute of Philosophy in Moscow (15–18 September 2011) / Ed.: A. A. Guseynov, V. A. Lektorsky. M.: IFRAN, 2012. Pp. 7–21.*
27. Stepin V. S. *Civilization and Culture. SPb: SPbGUP, 2011. 408 p.*
28. Foucault M. *The will to truth: the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years. M.: Qastal, 1996. 448 p.*
29. Habermas J. *Moral consciousness and communicative action. SPb: Science, 2000. 380 p.*
30. Hayek F. A. von. *The counter-revolution of science. Studies of abuse mind. M.: OGI, 2003. 288 p.*
31. Hayek F. A. von. *Fatal conceit. Errors of Socialism. M.: Publishing House of the "News". 1992. 304 p.*
32. Hart G. L. A. *Concept of law. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2007. 302 p.*
33. Hoek M. van. *Right as communication // Russian Yearbook theory of law. 2009. № 1. Pp. 376–433.*
34. Buzan B., Woewer O., Wilde J. *Security: a New Framework for Analysis. Boulder, London: Lynnie Rienner, 1998. 303 p.*
35. Campbell D. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics Identity. 2nd ed. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. 289 p.*
36. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language. London: Longman, 1995. 265 p.*
37. Fairclough N. *Critical discourse analysis and the mercerization of public discourse: the universities // Discours and Society. 1993. № 4(2). Pp. 133–168.*
38. Foucault M. *Power and Strategies // Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. Brighton: Pantheon Books, 1980. Pp. 71–75.*
39. Gallie W. *Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1955–1956. Vol. 56. Pp. 67–198.*
40. Garland D. *Punishment and Modern Society: A Study in Social Theory. Oxford, University of Chicago Press and Oxford University Press, 1990. 312 p.*
41. Giddens A. *Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. Berkeley (L.A.): University of California Press, 1979. 111 p.*
42. Laclau E., Mouffe Ch. *Hegemony and Socialist Strategy. Toward a Radical Democratic Politics. Second Edition. London, N.Y., Verso, 2001. 240 p.*
43. Luhmann N. *Zweckbegriff und Systemrationalitaet. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1973. 390 s.*
44. Osborn D., Gaebler T. *Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit Is Transforming the Public Sector. Reading (Mass.), Addison-Wesley, 1992. 378 p.*
45. Putnam H. *Realism and Reason. Philosophical Papers. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 303 p.*
46. Putnam H. *Reason, Truth and History. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 218 p.*
47. Woodak R. *Disorders of Discourse. London: Sage, 1996. 200 p.*